

Flauta
Eu estou muito orga
de quem você se te
converso com voc
que é outra pesso
enfante, tão int
maior e o
mulher, linda ta
ra tanto por
ter mud
poder
maior, eu
poder
almente
você, por
a chance
ranha me
em que o
aument
a uma m
ne glia d
es, juntos
uma composi
da e tão perf
sua apar
do? Você
mesma, vo
esma, por
passaros ate
alguns pas
ficar por
relação e
ter enc
parceira
composiç
e ilum
qualquer
também
própria
própria
algum
para
música
ve noss
se torn
composiç
e nem op
mentare
podem
mais lind
Te dedic
hoje um e
ora de a
nha ratiç
ta" ele diz muito
ssas melodias e com
podem se encaixar um
que nossa música seja
pre eterna e bela.

ЛОВЕЦ
СНОВ:
МЕЖДУ
СНОМ
И
КОШМАРОМ

Судина

уфю

Сусанна Сусанна

Ловец снов: между сном и кошмаром

<https://litres.ru/74138663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Между сном и кошмаром нет двери с табличкой — есть только миг, когда привычное становится чужим. В этом сборнике мистика — это не магия, а ощущение, когда отражение в зеркале на долю секунды не твоё. Ловец снов в названии напоминает: мы пытаемся ловить то, что не должно быть поймано. Рассказы цепляют не спецэффектами, а тем, как точно быют по внутреннему страху.

Содержание

Глава 1. Очередь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сусанна

Ловец снов: между сном и кошмаром

Глава 1. Очередь

"Ну вот, опять эта бесконечная очередь..."»

Я окинула взглядом длинный коридор. Свет не горел, сплит-система молчала. Воздух был густым, неподвижным, с тем самым горьковатым запахом старости, который будто въедался в одежду.

— О, Настя! Ты тоже тут? — удивилась я. — Да, я тут... — проямлила Настя, не поднимая взгляда.

Внутри всё подпрыгнуло от надежды. — Слушай, можно я пройду первая? Как будто ты занимала за мной? Очередь такая длинная... — прошептала я. — Ага... — буркнула Настя.

И вот наконец подошла её очередь. Настя резко встала и шагнула вперёд, а дверь с глухим хлопком захлопнулась прямо перед моим носом.

На секунду я будто перестала дышать. Щеки вспыхнули огнём так, что даже уши запылали. Казалось, ещё чуть-чуть — и из глаз посыплются искры. Я хотела просто провалиться

сквозь пол, чтобы больше не чувствовать на себе эти взгляды: колючие от неприязни, пустые от безразличия, тяжёлые от чужого осуждения.

«Может, мне кажется? Может, никто и не смотрит?» — пронеслось в голове. Я уже хотела постучать и зайти после неё, но сзади недовольно загудели: — Куда лезешь? Тут все по очереди!

Пришлось опустить голову и снова плестись в самый конец. Хррр...

Передо мной стояла старушка и то и дело надрывно кашляла. Каждый её выдох царапал воздух. Я всё думала: ну почему она не надела маску? Ведь коробки с ними расставлены по всей поликлинике, бери не хочу...

Прошло, наверное, уже полтора часа. Я раз семьдесят меняла позу, пытаюсь найти хоть какое-то удобство, но всё тело затекло, дышать было нечем. Радовало только одно: передо мной осталось всего четыре человека.

Но было во всём этом что-то странное. За мной до сих пор никто не занял место. Будто между мной и остальными протянулась невидимая черта, которую никто не решался переступить.

Старая старушка наконец зашла в кабинет. Едва она переступила порог и закрыла за собой дверь, как тут же в коридор вошёл мужчина и встал за мной.

И вдруг в коридоре наступила такая гулкая тишина, будто кто-то выключил звук. Больше никто не болтал, не ёрзал, не

кашлял. Я встала, чтобы размяться, и пошла ближе к кабинету, уставившись на информационные плакаты. Почему во всех поликлиниках обязательно висят эти плакаты про естественное вскармливание и помощь мамам с детьми? Сама не знаю, зачем, но я с каким-то странным, почти отчаянным интересом перечитала их все подряд. И тут же подумала: «Что-то старушка там слишком долго сидит...»

Внутри что-то кольнуло. А вдруг я так увлеклась этими плакатами, что не заметила, как она уже вышла? Я подошла к двери. А если она всё ещё там и я только помешаю? Ну и ладно, решила я, собравшись с духом, и постучала.

Дверь со скрипом приоткрылась, и я увидела, как врач застёгивает сумку, уже в обычной одежде, не в халате.

— И-извините... Можно к вам зайти? — голос прозвучал жалко, слишком тихо.

— Нет, — строго отрезала врач. — Я уже ухожу.

— Как уходите? У вас ещё целый час приёма! — я нахмурилась, чувствуя, как внутри поднимается жар.

— Мне надо уйти. Приходите в другое время, — сухо бросила она.

— Вы не можете вот так взять и уйти, когда вам вздумается! Тут ещё два пациента! Примите нас и тогда уходите! — слова вырвались сами, голос стал громче, почти рычащим.

Врач молча вышла, щёлкнула замком, и дверь стала глухой, окончательной.

Я метнула взгляд на мужчину, стоявшего в очереди, в сла-

бой надежде, что он сейчас что-то скажет, поддержит, возмутится вместе со мной. Но он только опустил глаза и, не проронив ни слова, ушёл.

А я осталась стоять посреди коридора, и мне было не просто грустно — меня трясло от бессильного бешенства. Как можно вот так уйти, просто потому что захотелось? Хоть бы ради приличия придумала какую-нибудь отмазку...

От такой злости голова вдруг закружилась, и я поспешно присела, уперевшись локтями в колени. Сделала глубокий выдох, будто пыталась выпустить из себя весь этот жар. Коридор будто становился всё темнее, будто сама поликлиника потихоньку выключала свет, сдаваясь под конец дня.

Я подняла взгляд на потолок и пробормотала себе под нос: — Та-ак... вдох-выдох. Всё нормально. Ничего страшного не произошло. Я же не умираю.

С долей горького юмора я подумала: ну подумаешь, два с половиной часа в душном, пропахшем больницей коридоре. Не трагедия. Просто день решил проверить меня на прочность.

Ещё пару вдохов, и я заставила себя подняться. Поплелась к выходу, чувствуя, как каждая мышца напоминает о себе. Пока шла, вдруг осознала: на часах только половина четвёртого, а по ощущениям — будто уже десятый час вечера. У выхода никого не было. Дверь стояла закрытой, не запертой, но вид у неё был такой, будто она уже мысленно закрылась на сегодня. На ней криво, грязным скотчем была при-

клеена бумажка: «Нажмите для вызова сотрудника».

«Неужели закрывают в такое время?» — мелькнуло в голове, и я, не раздумывая, нажала на кнопку. И только потом заметила: дверь-то просто прикрыта, в узкой щели просачивался свет из вестибюля.

Я потянула дверь на себя. В ту же секунду откуда-то сбоку раздался голос сотрудника: — Открыто?

— Да-да, извините, пожалуйста! Не сразу увидела, что дверь не заперта! — крикнула я в ответ, чувствуя, как к злости снова подмешивается стыд — будто я сама всё усложняю.

Краем глаза я заметила на лестнице ту самую врача, которая не приняла меня. Она что-то сказала, но слова рассыпались, не задержавшись в голове. В памяти остался только один резкий, неприятный кадр: она будто выталкивает меня из дверей поликлиники, и я чуть не падаю на порог, едва успевая выставить руку.

Зайдя в комнату отдыха, я почти не видела, куда иду. Охранник молча протянул мне пластмассовый стаканчик с водой и кивнул на диван: — Присядьте. Тут тихо. Никто не потревожит.

Я не села — рухнула. Сделала один большой, жадный глоток, и вода чуть не пошла не туда: горло перехватило. Откинула голову назад, прикрыла глаза, пытаюсь унять эту звенящую дрожь внутри.

А когда распахнула их снова — передо мной был уже не

тусклый кабинет с запахом больницы. Передо мной была моя гостиная. Огромный телевизор мерцал, разгоняя темноту, и его холодный свет ложился на стены, на диван, на мои колени.

— Фу-у-ух... — выдохнула я, провела ладонью по мокрому от пота лбу. — Это всего лишь сон. Это был сон.

Несколько раз моргнула, прогоняя липкие остатки картинки: кровь, ухмылку, пустые глаза. Они цеплялись, не хотели уходить, будто пытались удержать меня там, в том коридоре.

Тихонько приподнялась, нашивая ногами домашние тапочки. Встала, стараясь не шуметь — просто потому, что в пустой квартире любой звук отдаётся слишком громко, бьёт по ушам. И, идя к кухне, я всё смотрела на свои руки — будто проверяла их заново, убеждаясь: никаких следов крови. Только лёгкий цветочный запах крема для рук. Такой привычный. Такой спасительно обычный.

Сделала ещё шаг, остановилась у дверного проёма и медленно, глубоко вдохнула. Пахло квартирой: чуть пылью, чуть стиральным порошком, чем-то своим, неживым, но родным. И в этой тишине не было никого, кто бы сказал «всё хорошо».

Не было ни чьего-то тепла, ни посапывания, ни даже чужого дыхания. Только я и этот дом, который сейчас просто стоял и позволял мне быть в нём.

И с этим вдохом из груди наконец-то начала уходить та са-

мая тяжесть, которая давила там весь этот выдуманный кошмар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.